

18.

ОТ КОМПИЛЯЦИИ ДО ПЛАГИАТА И ОБРАТНО: НОВЕЙШИЕ СУРРОГАТЫ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

«Один и прочие асы!

Дайте же им покой —

тем из наших, в общем, не асам,

всё же таки в шлемофон сказавшим:

"Я атакую! Прикрой!"»

Сергей Раменский.

Ил-2.

Июнь 2018 года.

I.

«Загадочный континент»: средневековый округ РФ

*Об изданиях Т.Н. Арцыбашевой по «исторической культурологии»
Курского края ¹.*

«На встрече с экспертами "Открытого правительства" 25 июля 2012 года премьер-министр Д.А. Медведев обсудил новый законопроект об образовании. Особенно ему понравилась идея закрепления норм для борьбы со списыванием и плагиатом в вузах среди студентов и преподавателей. "Давайте подумаем над введением нормы, чтобы принимать дисциплинарные меры, вплоть до увольнения, к студентам, аспирантам и преподавателям, которые уличены в соответствующих правонарушениях" — предложил Медведев».

Российская газета. 2012 год. 26 июля. № 169. С. 3.

В этих моих заметках речь пойдёт об изданиях Татьяны Николаевны Арцыбашевой — поначалу рядовой преподавательницы кафедры

¹ Опубликовано: *Щавелёв С.П.* От плагиата до компиляции [Рец. на кн.: Арцыбашева Т.Н. Курский край и монастырская культура. Учебное пособие по региональной культуре. Курск, 1998. 72 с.; Её же. Очерки культуры Курского края. Вып. 2. Краеведческие материалы. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2000. 104 с.; Её же. Русь – Россия – Московия: от хакана до государя. Культурогенез средневекового общества Центральной России. Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2003. 193 с.] // Клио. Журнал для учёных. СПб., изд-во «Нестор», 2006. № 2 (33). С. 243–249.

Перепечатано в книгах: *Щавелёв С.П.* Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. С. 307–322; *Его же.* Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990 – 2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. В двух книгах. Кн. 2. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2013. С. 283–304. Здесь публикуется с некоторыми дополнениями.

культурологии Курского государственного университета ². Представляется, что они помещаются именно в те «жанры», что упомянуты в заголовке моего отклика. Тут и плагиат, и компиляция, и причудливая смесь того и другого. Более того, перед нами тексты, на примере которых ярко просматриваются некоторые общие — сугубо отрицательные тенденции отечественной историографии на рубеже прошлого и нынешнего веков. Как известно, книжный рынок России в это время оказался заполонён псевдонаучными опусами на исторические темы. Обратим внимание на ту сторону этой ситуации, которая относится к преподаванию истории в высшей школе, а в особенности к государственной аттестации историков, их учёной квалификации. Одно дело, когда бедную музу Клио «насилуют» в откровенно коммерческих целях и покупатель в книжном магазине волен выбирать издание любого сорта, заходить или же нет на определённый сайт ³. Совсем другое, когда заведомый фальсификат представляется на соискание учёной степени, за него органом государственной аттестации присваивается учёное звание (с ежемесячной доплатой бюджетных денег). Вирус подделки устремляется тогда на факультеты учебных заведений, засоряет умы студентов, финансируется за счёт бедных налогоплательщиков.

Книги, о которых пойдёт речь, увидели свет в издательстве одного из провинциальных, но государственных университетов. От имени этого университета они рекомендуются читателям. Первое — в качестве «учебного пособия по региональной культуре»; следующие две уже как «монографии»; адресуются «преподавателям, студентам», «краоведам, историкам, культурологам и массовому читателю». Между тем любому мало-мальски квалифицированному читателю исторической литературы при чтении этих книжек видно, что они только по форме (да и то не всегда) имитируют учебный да монографический жанры. А по содержанию представляют собой не слишком умелый пересказ нескольких выхваченных из своего историографического контекста и разносортных изданий. Из них же заимствуется вся остальная библиография. Такого рода «пустышек», как работы Т.Н. Арцыбашевой (поневоле именуемой ниже «автором»), за последние годы всё больше проходит через редакционно-издательские и диссертационные советы. Я взялся разобрать именно её книжки потому, что

² См.: *Арцыбашева Т.Н.* Курский край и монастырская культура. Учебное пособие по региональной культуре. Курск, 1998. 72 с.; *Её же.* Очерки культуры Курского края. Вып. 2. Краеведческие материалы. Курск, изд-во КГПУ, 2000. 104 с.; *Её же.* Русь – Россия – Московия: от хакана до государя. Культурогенез средневекового общества Центральной России. Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2003. 193 с.

³ Об антиисторических изданиях такого рода речь идёт в кн.: *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История России в мелкий горошек. М., 1998 («Памяти исторической науки посвящается» это издание авторами).

О переизданиях псевдоисторических опусов позапрошлого века см.: *Формозов А.А.* Старая историческая литература на современном книжном рынке России // Книжное обозрение. 1996. 23 апреля. С. 9.

сам занимался многим из той тематики ⁴, на рассмотрение которой они претендует. Знаю из первых рук, кто помог ей сбить, сколотить нелепые тексты, чтобы в этом институте появился свой «доктор культурологи». Помог, предоставив литературу по древней истории и археологии, о которой скромная учительница понятия не имела. Чужая литература да сканер — вот настоящая методика работы по «исторической культурологии» в этом случае, который, к нашей печали, далеко не единичен.

Первая из упомянутых мной работ Т.Н. Арцыбашевой представляет собой публикацию её кандидатской диссертации ⁵. Перед нами не слишком умелый пересказ отрывочных сведений о средневековой истории Курской земли из краеведческой литературы разных лет издания. Изложение изобилует перлами вроде следующего: «... Курск был построен на северо-востоке северянской земли ... при князе Владимире в 80-е годы X века для защиты от половцев» ⁶. Тот факт, что первый половецкий набег на Русь состоялся в 1061 году, «автору» остаётся неизвестным. Равно как и споры учёных, когда именно мог возникнуть Курск в качестве великокняжеского города. Ну, и север с югом у нашей «авторши» не соотносятся. Школьная география ею не усвоена. Хотя помогал ей в этой «работе» официальный «Институт археологии юго-востока Древней Руси» при том же университете. Проще говоря, некий сотрудник этого «института» снял с полки несколько книг по археологии, которые г-жа Арцыбашева положила в пакет, унесла с собой и сканировала, чтобы изготовить свои «монографии», а потом и «диссертации», «кандидатскую» и «докторскую».

Следующая книга — «Очерки культуры Курского края» — у Т.Н. Арцыбашевой открываются главой «Магические ритуалы и языческие верования первобытного населения Посемья». Эта «глава» целиком копирует (дословно повторяет) статью А.Н. Апалькова (в ту пору младшего научного сотрудника Курского музея археологии) под названием «Почём был "опиум для народа" до нашей эры? Магические ритуалы курских язычников», опубликованную на странице 2 выпуска 3 за 1992 год «Летописи» — научно-популярного приложения к курской газете «Молодая гвардия». Как это принято при разоблачении плагиаторов, приведу сначала оригинальный текст, а затем его украденный вариант.

А.Н. Апальков: *«Предки наши были язычниками, занимались земледелием, и поэтому на первое место ставился культ солнца, огня и домашнего очага. С ними связаны многочисленные находки глиняных изделий, полученные при археологических раскопках на городищах Кузина Гора, Марица, Переверзево. Это лепёшки, хлебцы и блоки, имитирующие изделия*

⁴ См.: Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–3. Курск, 1997–2002.

⁵ См.: Арцыбашева Т.Н. Монастырь на стыке культур (На примере монастырей Курского края Московской Руси XVII века). Автореф. дисс. ... канд. культурологии. СПб., 1997.

⁶ Арцыбашева Т.Н. Курский край и монастырская культура... С. 5.

домашних хозяек. ... Часто такие изделия украшались по выпуклой поверхности ямками, которые делали пальцами. Некоторые исследователи считают, что вдавление обозначает количество членов семьи, совершивших данный обряд.

Для культовых приношений и даров существовали специальные святилища. Одно из них исследовано на поселении у села Успенка. Культовое место состояло из глиняной площадки со следами ритуальных костров, а рядом находилась пирамидка из блоков, на вершине которой стоял сосуд.

Для совершения религиозных обрядов существовали и более крупные святилища, являющиеся племенными центрами для общего совершения культовых мероприятий. На городище Кузина Гора был выявлен длинный дом, окружающий кольцом площадку и содержащий внутри большое количество магических предметов.

Одним из свидетельств культа солнца и огня являются глиняные грузики и пряслица, использовавшиеся для производства тканей. Нередко вокруг отверстия, расположенного в их середине, наносили орнамент в виде линий или точек, составляющий рисунок светящегося солнца. Насечки в виде креста символизировали огонь. В одном случае крест был прочерчен на днище лепного сосуда. К культу земледелия относятся и находки глиняных моделей зёрн ячменя, гороха и бобовых культур.

Большое ритуальное значение имели глиняные миниатюрные сосудики. В них женщины помещали что-нибудь съедобное и преподносили божествам. В некоторых сосудиках есть у дна отверстия, служащие для подвешивания в доме или святилище.

Определённое магическое свойство имели изображения животных на различных предметах. Рукоять скифского меча, найденного недалеко от Горшечного, украшена головками лосей. Та же голова, но вместе с копытцем, украшает костяной псалий (деталь конской узды) с Марицкого городища. Навершие другого меча выполнено в виде стилизованной лапы хищной птицы, имеющей два когтя и глаза. Изображение этих животных придавало вещам определённый смысл. Например, когтевидное навершие наделяло меч цепкостью, а лосиная голова — быстротой и силой. ...

У многих народов было известно гадание по внутренностям животных. В Посеймье существовало гадание по модели печени. Это были небольшие глиняные изделия с проколами, отделёнными друг от друга линиями и образующими участки, имеющие определённое значение. Традиция эта очень древняя и восходит своими корнями к культам Вавилона.

Магическими и лечебными свойствами у жителей обладали вещи, изготовленные ранее, например, в бронзовом веке. Кремнёвые стрелы и скребки прикладывали к ранам, а каменные сверлёные топоры вешали в доме и при совершении культовых обрядов через отверстия в них лили воду...»⁷.

⁷ Апальков А.Н. Почём был «опиум для народа» до нашей эры? Магические ритуалы курских язычников // Летопись. Совместный выпуск «Молодой гвардии» и Курского областного краеведческого музея. Вып. 3. Курск, 1992. С. 2.

Автор процитированных строк — профессиональный археолог, участвовавший в раскопках многих памятников раннего железного века на территории Курской и Белгородской областей, опубликовавший в академических изданиях (вроде «Российской археологии») целый ряд статей соответствующей тематики. Т.Н. Арцыбашева, ничтоже сумняшеся, **переписывает в свою «монографию» газетную заметку** юного археолога, нигде никак не ссылаясь на источник сведений и не упоминая имени их настоящего автора:

«Многочисленные находки культовых предметов VI–VIII веков до н. э. на территории Курского Посемья позволили историкам пролить свет на ранние магические ритуалы, связанные с поклонением наших предков-язычников божествам Солнца, огня и домашнего очага. При археологических раскопках городища Кузина Гора, Марица, Переверзево найдены глиняные изделия, имитирующие лепёшки и хлебцы, предназначенные, по-видимому, богам-покровителям. Часто их выпуклая поверхность украшена выдавленными пальцами ямками, количество которых, возможно, соответствует числу членов семьи, совершавшей обряд. К культу земледелия относятся находки глиняных моделей зёрен ячменя, гороха и бобовых культур. Большое ритуальное значение имели миниатюрные глиняные сосуды, в которых женщины помещали что-нибудь съедобное для приношения божествам. В нижней части некоторых из них есть отверстия, служившие, вероятно, для подвешивания сосудиков в доме или святилище.

Находки глиняных грузиков и пряслиц, используемых в ткачестве, свидетельствуют о поклонении Солнцу и огню. Нередко их отверстия, расположенные в центре, окружает орнамент из линий и точек, составляющих рисунок светящегося солнца. Насечки в виде креста символизировали огонь. В одном случае крест был прочерчен на днище лепного сосуда.

Для культовых приношений и даров существовали специальные места: жертвенники и святилища. Одно из таких мест обнаружили на территории древнего поселения у села Успенка. Оно представляет собой глиняную площадку со следами ритуальных костров. Неподаляку — выложенная из камней пирамидка, на вершине которой когда-то стоял сосуд.

Племенные культовые обряды совершали в общих, более крупных святилищах. На городище Кузина Гора археологами раскрыто длинное кольцевое сооружение с большим количеством магических предметов и круглой площадкой посередине.

Многим первобытным племенам было известно предсказание будущего по внутренностям животных. В Посемье бытовало гадание на модели печени, которая представляла собой небольшое глиняное изделие с проколами, отделёнными друг от друга линиями, образующими участки определённого назначения. Традиция такого гадания пришла из глубины веков и восходит корнями к культу Древнего Вавилона.

Определённое магическое свойство имели изображения животных на различных предметах. Например, рукоять скифского меча, найденного недалеко от села Горшечного, украшена резными головками лосей. Рисунок такой же головы, но вместе с копытом, украшает костяной псалий (деталь конской узды) с Марицкого городища. Навершие другого меча — в виде стилизованной лапы хищной птицы, имеющей два когтя и два глаза. Согласно представлениям древних, эти изображения придавали вещам определённые качества: когтевидное навершие «наделяло» меч цепкостью, а лосиная голова — быстротой и силой.

Магические и лечебные свойства приписывали наши предки предметам, изготовленным, например, в бронзовом веке. Кремнёвые наконечники стрел и скребки прикладывали к ранам, а сверлёные каменные топоры вешали в доме и при совершении культовых обрядов через отверстия в них лили воду»⁸.

В чём выразилось «авторское участие» г-жи Арцыбашевой? Слово «рядом» она заменила на слово «неподалёку». И получила за это степень доктора культурологии. За что и получала потом от государства ежемесячно надбавку за учёную степень в семь тысяч рублей, а теперь и поболее.

В издательской аннотации к процитированной книжке Т.Н. Арцыбашевой сказано, что «автор собрал, изучил, подверг анализу и систематизации сведения об истории Курского края, его ... религиозных традициях». Да ничего она не собирала, тем паче не изучала. Про анализ уже не говорю. На самом деле вся книжка изготовлена при помощи чистого плагиата (как в продемонстрированном нами фрагменте) или же тупого пересказа чужих текстов. Тем не менее эта книжка способствовала получению «автором» учёного звания доцента по кафедре культурологии. И ещё одной бюджетной надбавки, уже за учёное звание. А потом и за заведование этой же кафедрой культурологи КГУ; наконец, за должность профессора там же. Ну, чем не грабёж?! Финансовый — бюджетных денег; интеллектуальный — студентов, коих она «учит» культурологии по своим фальсифицированным «учебным» «пособиям».

Последняя из вышеуказанных книг Т.Н. Арцыбашевой выстроена под докторскую диссертацию. Хотя её название маловразумительно: «Русь – Россия – Московия...» Сразу встаёт вопрос: почему после Руси (XI–XVI вв.) идет «Россия» из трактата Константина Порфирогенета (905–959)?.. Целью исследования объявлено ни больше, ни меньше, как «ретроспективное изучение культуры Центральной России» (с. 4). Что тут скажешь? Решительная учёная дама. Выбор объекта рассмотрения, однако, произволен. «Центральная Россия», по мнению «автора», — «загадочный "континент"», географически и духовно соединивший Европу и Азию» — «Центрально-административный регион РФ» (с. 3–4). Даже из школьного учебника

⁸ Арцыбашева Т.Н. Очерки культуры Курского края. Вып. 2. Краеведческие материалы. Курск, 2000. С. 5–6.

истории должно быть ясно, что историческая география Восточной Европы в Древности и в Средневековье имеет мало общего с современным административным делением нашей страны. «Верхняя», северная и «нижняя», южная Русь явно выходили в своё время за рамки нынешнего «региона № 1». Да и сам «автор» в своём изложении захватывает то новгородский север, то причерноморский юг. Причём же тогда в медиевистическом контексте «Центральный регион России»? А причём тут Азия?

По мнению Т.Н. Арцыбашевой, «"Русская земля" уже к XI в. практически совпадает с границами современного Центрально-административного региона Российской Федерации» (с. 26). Нечего и говорить, что с мнениями и разногласиями историков (С.М. Соловьёва, А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова, В.А. Кучкина, А.А. Фетисова, других) о действительном ареале первоначальной «Русской земли» — великокняжеского домена — наш «автор» совершенно не знаком, не говоря уже об оригинальных данных — летописных известиях и археологических фактах на сей счёт.

Первая глава «монографии» отводится «историографии культурологического изучения Центрального региона России». Форма такого рода обзоров «степени изученности избранной темы» у современных компиляторов отработана. Наборы имён писавших о чём-то подобном авторов сопровождаются, как в данном случае, эпитетами один похвальнее другого: «отличающиеся основательной фактологией, разноплановые по языку, приоритетам и позиции авторов» (с. 7–8); «научная смелость и широта эрудиции, убедительная аргументация и оригинальность выводов» (с. 14); «фундаментальность обобщений и глубина постижений, отточенность и оригинальность мысли, чёткость изложения авторского видения генезиса и культурогенеза» (с. 17) (кстати сказать, чем «генезис» отличается от «культурогенеза?»); и т.д., и т.п.

Невдомёк недоучившемуся «автору», что в академической литературе подобная комплиментарность оценок никогда не практиковалась. Перед нами просто «информационный шум», коим переполнена рецензируемая книга.

Логика отбора авторов в ту или иную рубрику ставит в тупик. Так, «разноплановые по языку (?)» «Н.Н. Бантыш-Каменский, С.Ф. Платонов, К.Н. Бестужев-Рюмин» (с. 8) расположены ни по алфавиту их фамилий, ни по возрасту, ни по их научной специализации. Столь же хаотично перечислены «работы по географии, истории и этнографии центральных губерний» (с. 11–12). В этом списке значатся следующие авторы: Д.И. Багaley (1857–1932), который вообще не занимался центром России, а лишь её «степной окраиной»; И.Д. Беляев (1810–1873), автор «Очерков истории северо-западного края России» (1867) и её пограничных служб на юге; никому не известный А.Н. Дренякин; археолог Д.Я. Самоквасов (1843–1911), ведший раскопки на пространстве от Польши до Крыма; В.Ф. Зуев (1752–1794), академик Петербургской АН, автор «Путешественных записок

... от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 ...»; И.Н. Миклашевский (1864–1911), автор «Очерков крестьянского хозяйства Малороссии» (1887) и «Хозяйственного быта южной окраины Московского государства» (1894); профессор Воронежского университета В.П. Загоровский (1925–1994), специализировавшийся на Новой истории юго-востока России. Столь разновременных авторов объединяет только то, что их работы привлекают к своему анализу нынешние историки Курского края, у которых Т.Н. Арцыбашева, как видно, и списывает свои историографические перечни.

В один ряд «историков отдельных земель и княжеств» поставлены и авторы XIX – начала XX в., и до недавних пор здравствовавший доктор исторических наук Л.В. Алексеев (Институт археологии РАН).

К археологам почему-то причислены В.В. Мавродин, А.Н. Насонов, И.Я. Фроянов (с. 14) — сугубо кабинетные историки, никогда не бывавшие на раскопках.

У мало-мальски знакомого с отечественной медиевистикой читателя историографические «акафисты» автора не могут не вызвать недоумения, всё растущего от одной перечневой «обоймы» её «предшественников» к другой. Взять хотя бы такой пассаж: «Набирает силу процесс сложения новых столичных и региональных исторических школ, формирование которых — совместная заслуга учёных московских и местных научных и научно-образовательных заведений: В.И. Большакова, Т.С. Георгиевой, А.Ю. Друговской, З.Д. Ильиной, А.И. Кравченко, В.И. Пановой, Б.Г. Пашкова, И.Г. Пархоменко, В.Я. Петрухина, Д.С. Раевского, О.М. Рапова, И.Е. Саратова, Р.Г. Скрынникова, М.В. Толстовой, А.С. Чистякова, А.В. Чистяковой, Н.А. Ульянкина, А.С. Хороших, С.П. Щавелёва и др.» (с. 17). Где это в Курске, в любой другой провинции «научные заведения» по истории?

Можно предположить один-единственный критерий отбора перечисленных имён — только их книги попались «автору» под руку при чтении чужих публикаций (сама Т.Н. Арцыбашева, как видно, и малой доли упоминаемых изданий в руках не держала). Причём одни и те же статьи и книги — в особенности В.П. Даркевича, В.В. Енукова и некоторые другие — используются «автором» многократно на протяжении всей книги, потому что сколько-нибудь шире историография Т.Н. Арцыбашевой неведома. Никаких особых «школ» вышеуказанные авторы не «складывают». И.Г. Пархоменко — скромный белгородский краевед. Н.А. Ульянкин — автор явно фантастического сочинения на историческую тему. И.Е. Саратов — популяризатор науки, не чуждый преувеличений. А.Ю. Друговская — историк КПСС, чья докторская диссертация посвящена идеологии РСДРП. З.Д. Ильина, в свою очередь, изначально историк КПСС, затем что-то писала о культуре Курского края в Новое и Новейшее времена (почему она стала рецензентом книги Т.Н. Арцыбашевой, не будучи вовсе медиевистом, загадка). Никакого особенно нового слова в науке все эти авторы не сказали.

Другое дело Олег Михайлович Рапов (1939–2002), не так давно ушедший от нас профессор исторического факультета МГУ (между прочим,

как и его учитель Б.А. Рыбаков, ярый антинорманист)⁹. Ныне здравствующий В.Я. Петрухин из Института славяноведения РАН придерживается прямо противоположных воззрений на роль скандинавов в русской истории. Со скифологом Д.С. Раевским его объединяет лишь соавторство в одном учебном пособии по истории народов России в древности и раннем Средневековье.

К «московским» или «местным» «школам» причислять петербургского профессора Р.Г. Скрынникова?

Почему именно эти, а не многие другие историки России, сейчас «набирают силу», непонятно.

«А.С. Хороших» в рассматриваемом перечне, это, скорее всего, Александр Степанович Хорошев, покойный профессор кафедры археологии МГУ, заместитель В.Л. Янина по руководству Новгородской археологической экспедицией (и, соответственно, принадлежавший к его научной школе).

Кстати сказать, искажения фамилий, инициалов, названий в рассматриваемой книжке настолько изобильны, что никак не могут быть объяснены типографскими опечатками. Эти ошибки — результат редкой некомпетентности «автора», которая пользуясь сканером для компоновки своих «текстов» не в состоянии исправить многочисленные ошибки этой машины. А.Н. Пыпин назван «Цыпиным» (с. 8); видный историк древнерусской архитектуры П.А. Раппопорт — «Рапопортом» (с. 8); курский архивист, носитель старинной дворянской фамилии Л.Н. Позняков — «Поздняковым» (с. 9); А.С. Гацисский — «А.С. Ганиским» (с. 11)¹⁰; Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский — «Н.Н. Бантыш-Каменским» (с. 8); Николай Иванович Костомаров — «И.Н. Костомаровым» (с. 8); Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский — «В.П. Семёновым»; ныне здравствующий археолог из Ельца Н.А. Тропин — «Тропининым» (с. 14); Борис Николаевич Флоря — «А.В. Флорей» (с. 36); А.М. Щекатов — «Щекотовым», Д.А. Авдусин — «Алдусиным» (с. 128)...

С каким пренебрежением надо относиться ко всем этим деятелям отечественной науки, чтобы так безбожно исказить их имена?! Как ни странно это прозвучит для многих читателей моих заметок, но причиной множества технических ошибок у псевдоавтора является использование им... сканера (Устное сообщение мне издательского редактора арцыбашевской книги Е.С. Головиной). С помощью сканера, выходит, готовятся ныне некоторые «монографии», «докторские диссертации». Стыд и позор. Нет, не для «автора». Нет у неё никакой совести. Унижение для издательства, для

⁹ См.: Памяти Олега Михайловича Рапова // Сборник Русского Исторического общества. № 8 (156). М., 2003.

¹⁰ Погубернский перечень историков-любителей заимствован Т.А. Арцыбашевой из моей книги: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Вып. 2. Курск, 1997. С. 47, 52.

университета, для кафедры, для коллег, которые со сканеристкой почему-то здороваются, даже прочитав эти строки...

Книга Д.Я. Самоквасова «Могилы русской земли» превратилась у Т.Н. Арцыбашевой в «Могилы русской знати» (с. 13). Называя эту и две другие самоквасовские работы «трудами по археологии и археографии», она обнаруживает полное незнание с ними, потому что к археографии относятся совсем другие публикации этого автора. Якобы «доктор культурологии» явно не понимает, чем именно занимается археография в отличие от археологии. Тем самым обнаруживая у себя фактическое отсутствие высшего (а похоже, и среднего) образования, тем более гуманитарного. Тёмная женщина. Почему её пустили преподавать в высшую школу? Значит, такая-то и школа.

«Симеоновская летопись» названа «Симоновской» (с. 190).

«Труд П.Н. Милюкова "Очерки по истории русской культуры" (1994)» издан не «в постсоветской России» (с. 17), а ещё в 1896–1903 годах.

Работа А.В. Кузы «Малые города Древней Руси» приписана «А.В. Флоре» (с. 95), который к тому же никакой ни «А.В.», а, повторю, Борис Николаевич.

Покойный «воронежский филолог А.О. Амелькин» (с. 97) на самом деле был историком.

Те немногие издания, которые «автор» держала в руках, цитируются с упоминанием страниц. А в большинстве примечаний — только выходные данные, без страниц. Ссылки на этих авторов явно взяты из вторых рук.

Путаница научных исследований с краеведческим баснословием и научно-популярными изданиями — общее место в работе Т.Н. Арцыбашевой. В списке «краеведов и зачинателей регионоведения» ею объединяются и выдающий этнограф Д.К. Зеленин, и скромный любитель старины из уездной Корочи М.П. Парманин; видный библиограф, литературовед, член-корр. АН СССР Н.К. Пиксанов и мало кому сейчас известные земские деятели позапрошлого века. Автор художественных произведений в стиле «фэнтези» М. Семёнова цитируется наряду с профессиональными историками вроде Р.Г. Скрынникова, В.П. Даркевича (с. 39–40), а порой и вместо них. Например, надписи на шиферных пряслицах из Вышгорода цитируются Т.Н. Арцыбашевой по книге М. Семёновой, а не по академическому их первоизданию Б.А. Рыбаковым. Семёновский пересказ азов славянской этнографии для юного читателя именуется «обобщающим исследованием» (с. 82). Позор, поношение, стыд.

Рассуждая на нескольких страницах (с. 94–97) о распространении грамотности на Руси XI–XIII веков, «автор» не ведаёт про обобщающее исследование этой темы¹¹. Зато нашим «автором» доверчиво воспроизводятся фантастические предположения о существовании у славян

¹¹ *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X–первой половины XIII в.). М., 2000.

докириллической письменности, вроде следующего: «...Заимствованное хазарами у русов письмо соответствовало сармато-аланскому и сирийскому несторианскому, 21 буква которого и написание слева направо соответствует написанию нартов, записанных на хаттском языке...» (с. 95). Перед нами тяжёлый бред неграмотного человека, переписанный в «монографию» и «диссертацию» госпожи Арцыбашевой. Где были редакторы — титульный и типографский? Где был проректор этого якобы университета по науке в то время?

Автор полуфантастического сочинения «Тайны Русского каганата» (М., 2002) Е.С. Галкина в «библиографическом списке» Т.Н. Арцыбашевой красуется между авторами научных монографий по археологии А.З. Винниковым и Е.А. Горюновым.

Вот ещё один образец наивной эклектики нашего «автора»: «Географический словарь А.М. Щёктова [Щекатова — С.Щ.] отмечает, что Курск был построен варягами..., которых современные учёные (?) считают балтами... Предполагается, что речь идёт о куршских балтах, чьё сокращённое племенное название "кур" сохранилось в гидронимике Курской земли» (с. 44). Что это за «современные учёные», как прибалтийская топонимика могла попасть на юго-восток Руси X–XI вв., «автором» не поясняется. В словарь этот, доступный сейчас в Интернете, она не заглядывала. Она ведь ничего не понимает из того, что переписывает в свои «монографии», «пособия» да «диссертации» из чужих работ. Потому что вместо учёбы в средней школе да институте занималась, как видно, чем-то другим.

Не знает удержу Т.Н. Арцыбашева в прославлении разного рода теоретиков в связи с русской историей. Как известно, более чем спорную репутацию заслужил в академической среде Л.Н. Гумилёв, по отзыву «автора» — «ярчайший учёный современности». В её глазах «уникальна своей методологией, авторской позицией (не есть ли это методология? — С.Щ.), общим взглядом на динамику культуры (а это разве не методология? — С.Щ.)» (с. 17) и работа покойного же А.С. Ахиезера, к историческому Средневековью имеющая мало отношения.

Между тем действительно ключевые по заявленной «автором» теме труды Л.В. Милова¹² остались Т.Н. Арцыбашевой неизвестны. К числу «фундаментальных источников» своей работы «автором» почему-то относятся «искусствоведческие, культурологические, филологические и литературоведческие работы». В их числе — словари Брокгауза–Ефрона, М. Фасмера (названного, правда, Фесмером) и прочие, пусть замечательные, но справочники. Как видно, источники путаются с литературой, а та со справочниками этой «доктором наук» как будто она первокурсница-заочница из отдалённого района.

¹² См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

«Живописная Россия», между прочим, — вовсе не «научно-публицистический журнал», а полупериодический многотомник — справочник и путеводитель огромного формата. И его Арцыбашева в глаза не видывала.

Опять же, разница между источниками и литературой в историческом исследовании «культурологу» представляется весьма смутно. Например, рассуждая о древних иконах, «автор» ссылается на «Календарь и справочный указатель Рязанской губернии» за 1883 год (с. 139).

Претендуя на культурологическое обобщение «источников», автор пользуется (путём прямого пересказа) публикациями историков, археологов и краеведов. Даже их она знает сугубо выборочно, в основном из вторых рук, по упоминаниям в чужих обзорах. А вот о работах по этнографии, фольклористике, антропологии автор почти не упоминает¹³. Нетрудно понять, почему. В Курске, где живёт «автор», этнография как-то заглохла, а вот фольклористика, напротив, сложилась в по-настоящему научную школу профессора А.Т. Хроленко. Этот учёный не склонен поощрять спекуляции на фольклорном материале и разъяснять его столь явным профанам, как Т.Н. Арцыбашева. Отсюда и лакуны в её построениях. Консультировали её по чьему-то начальственному указанию другие, морально неразборчивые лица — археолог Руси, историк новейших миграций.

Глава вторая называется «Природные, социально-хозяйственные и геополитические факторы культурогенеза средневековой Центральной России». Здесь много громких слов об «этно-, социо-, культуро- и цивилизациогенезе» (с. 19); немало цитат из Л.Н. Гумилёва, Г.В. Вернадского, Н.А. Бердяева, «нашего современника И.В. Кондакова». Между тем любого, кто мало-мальски знаком с отечественной историей, способен насторожить уже хронологический диапазон, на рассмотрение которого претендует Т.Н. Арцыбашева: «раннее и зрелое Средневековье (VI–XV вв.)» (с. 19). В результате тривиальный пересказ школьного, в лучшем случае университетского учебника по истории славянской колонизации Восточной Европы дополняется «автором» философскими оценками менталитета, картины мира наших предков. По её дамскому мнению, в нашем «национальном мироощущении глубоко укоренены ирано-арийская бинарность, иудейское мессианство и исламская покорность, наряду с многовариантным язычеством...» (с. 69). Русский национальный характер, над тайнами которого размышляли многие выдающиеся умы человечества, на взгляд дамы-культуролога, похож на этакое «лоскутное одеяло» из кусочков всех чужеродных религий, кроме православия... Как иронически писал И.А. Бродский, «жрица, Постум, и общается с богами».

¹³ Говоря о «публикациях результатов научных экспедиций А.С. Машкина, М.Г. Халанского и В.И. Резанова» (с. 12), автор не ведает, что отставной поручик А.С. Машкин ни в какие экспедиции не ездивал, а, проживая в Обоянском уезде, записывал свои наблюдения над бытом земляков и посылал их в столичные этнографические издания.

Безграмотная, но нахальная женщина путает божий дар с яичницей. В этом случае «арийство» с «арианством», иудаизм с христианством, а ислам с буддизмом («покорность»).

Разумеется, кроме весьма сомнительных философов, наш «автор» стремится подкрепить свои выкладки фактами. Почему-то в основном не из письменных источников, а археологическими. Для человека, никогда в жизни не бывавшего на раскопе, приём опасный. Однако данными археологии «автор» распоряжается весьма вольно. Она, скажем, выделяет «близкие между собой славянская, верхнеокская, роменская и борщевская (боршевская — С.Щ.) ... культуры, соответствующие трём обширным зонам заселения крупнейших славянских этнических групп — восточной, юго-восточной и южной, а также салтово-маяцкую (алано-сарматскую) и волынцевскую, оставленную ... славянизирующимися (?) алано-болгарами» (с. 27). Остаётся только догадываться о том, что под культурой «славянской», может быть, имеются в виду словене новгородские, «верхнеокской» — вятичи. Почему предшествующее роменцам (IX – начало XI в.) волынцево (вторая половина VIII, а отнюдь не «VIII–IX вв.», как утверждает «автор» на с. 28) «представлено» вышепоименованными салтовцами, читателям будет трудно понять, да и не надо. Не только спорное даже для самих археологов волынцево, но и все остальные археологические культуры для неё тёмный лес. Обо всём этом Т.Н. Арцыбашева пишет со ссылкой на замечательную, но уже довольно давнюю, 1965 года издания, коллективную монографию «Древнерусское государство и его международное значение». О том, что славянское население на Левобережье Днепра предполагается нынешними археологами на несколько столетий ранее VI века, наш «автор» не подозревает. Берясь писать об этнических процессах в данном регионе на протяжении I тысячелетия новой эры, Т.Н. Арцыбашева не удосужилась познакомиться с опорной литературой вопроса — трудами А.П. Медведова, А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, О.А. Щегловой и других специалистов. А что ценного для «культурологии» можно было бы добавить к выводам этих археологов, я лично сказать затрудняюсь.

Между прочим, критикуемая ахиня «доктора культурологи» из провинциального института лишней раз подчёркивает всю несостоятельность этой самой дисциплины — «культурологии», которую поспешно ввели в российской школе в 1990-е годы после отмены «научного атеизма» да «научного коммунизма». Нигде в мире больше такой «науки» нету.

Как это «балты» могли «делить Днепровское Левобережье с тюрками по линии Поньри – Курск – Беседино – Обоянь» (с. 29), когда первый «осколок» Тюркского каганата — печенеги — появился в днепро-донских степях лишь к 915 году, а последняя весьма и весьма предположительно балтская культура здесь — колочинская, датируется VII веком?

Сугубо поверхностное знакомство с археологическими реалиями приводит Т.Н. Арцыбашеву к неоднократным ляпсусам. Так, она пишет про

«складные карманные весы» (с. 68) средневековых купцов, не ведая о том, что тогдашний костюм ещё не имел никаких карманов, а весы хранили в специальных чехлах. По её мнению, «на Горнальском городище ... археологи обнаружили княжескую (?) усадьбу X столетия и фрагменты станков (? – С.Щ.) для чеканки монет» (с. 51). Как именно билась монета в ту пору, нашему «культурологу», ясное дело, неизвестно (Она полагает, что на Горнале располагался этакий Госзнак...) Равно и о том, что собой представляют «станки» и когда они вообще появляются на нашей земле. Тогда зачем писать обо всём этом «с учёным видом знатока»? Кто дал такое право?

К каждой из сотен явно бессмысленных фраз «пособий», «монографий», «диссертаций» этой самой Арцыбашевой должны были придаться все её коллеги по кафедре, институту, оппоненты, рецензенты по другим заведениям. Но все они закрыли глаза на всё это вопиющее поругание науки. Почему? Потому что сами такие. Точнее — не такие, как надо учёные да преподаватели. А соглашатели, компиляторщики да самозванцы. И в науке, и в учёбе. Как говорили в моём магаданском дворе — позорники.

Не лучше обстоит дело у этой самой Татьяны Николаевны с историческими терминами. Тамга названа «тангой» (с. 114); князь Олег — женским вариантом имени — «Хельга» (с. 52). Боршевскую археологическую культуру «автор» упорно именуется, даже в цитатах, «борщёвской» (с. 27); «борщовским селищем»; «борщёвско-вятической культурой»; «памятниками борщовского типа» (с. 28) и т.д. Река Сава почему-то заменяется мужским именем «Савва» (с. 29); река Сула — «Сурой» (с. 41); река Свапа — почему-то «Сновой» (с. 44); город Любеч — «Любичем» (с. 43 и ещё неоднократно). Налицо опять-таки резвое использование «культурологом» сканера, который, вот беда, имена собственные да географические копирует пока неточно... Налицо не владеющий родным русским языком «доктор культурологи».

В манере Т.Н. Арцыбашевой — периодические ссылки, претендующие разъяснить те ли иные археологические, исторические реалии. Скажем, по её мнению, «"своими погаными" русские князья называли половцев, кочевавших с семьями (?) в сопредельной Руси степи...» (с. 25). Как видно, кроме половцев этот «культуролог» никаких других кочевников не знает. На самом деле, так назывались торки и другие тюркские орды, образовавшие союз так называемых «Чёрных клобуков», которых русские князья поселили оседло в Переяславльском княжестве в качестве элемента пограничной стражи и использовали как раз против позднейших у нас половцев.

Летописный «путь из варяг в греки» датируется «автором» IX веком, тогда как первый поход князя Олега на Византию относится к 907 летописному году.

К одним из своих заключений «автором» даются ссылки на источники соответствующей информации, а к другим нет. Примечание-экскурс о

происхождении лучевых височных колец (с. 30) заимствовано из итоговой на сей счёт работы Е.А. Шинакова, но именно этот автор здесь не назван.

Приёмы фортификации на городищах северянского Посеймья реконструированы В.В. Енуковым при участии А.В. Зорина, однако их пересказ в сноске на с. 35 ведётся как бы от лица «автора», без каких бы то ни было ссылок. Можно подумать, что это Татьяна Николаевна Арцыбашева «резала» вал Ратского городища, а не автор этих строк...

Гипотезы и даже догадки тех или иных учёных приводятся нашим «автором» как законченные научные выводы. Например, этимологизация имени летописных северян с помощью меланхленов Геродота (с. 29); приписывание им же «Тмутаракани» как «отчины князя Чёрного» как родоначальника черниговской династии князей (с. 70); связь названия Рязани — «с упоминаемой в аутентичных (?) источниках Арсой-Артой (?)» (с. 31); и тому подобное.

По мнению Т.Н. Арцыбашевой, остатками летописных северян являются севрюки XV–XVII веков, а потом — так называемые «саяны» (с. 29). Рассуждая здесь и далее о «сиверитах», «севере», севрюках, автор не ведает про специальное исследование Н.М. Багновской, недавно защищённое как докторская диссертация¹⁴. Отсюда путаница летописного политонима, позднелетописного регионима и этнографической группы новейшего времени совсем иного происхождения.

К числу «больших неукреплённых поселений с этнически неоднородным, поликультурным населением» IX–X веков «автор» причисляет: «Михайловский, Петровский и Тимерёвский центры у Ярославля, Гнёздово на Днепре под Смоленском, залесское Сарово, Супруты на р. Упе, ... Титчиха на Дону, Горналь, Гочево и Липино Курщины». Их якобы объединяет «наличие характерных разнокультурных материалов (норманских, иранских, арабских, византийских, хазарских)» (с. 32–33). В этом перечне спутаны весьма разнотипные и разновременные памятники, включавшие в свой состав как раз укреплённое городище, а то и не одно. Особенно подкупает «обобщение» Т.Н. Арцыбашевой, согласно которому «одно бесспорно для всех [историков] — достаточно отчётливый внутригосударственный, внутрирусский характер такого рода поселений и явные признаки функционирования на маркированной ими территории единой управленческо-экономической системы. Кроме того, археологически доказано, что в Центральной России не было ни одного крупного поселения, основанного выходцами из Скандинавии...» (с. 33). Конкретного облика вышеупомянутых Гнёздова, Тимерёва, Сарского городища, не говоря уже о Старой Ладоге, Рюриковом городище возле Новгорода, причерниговских

¹⁴ См.: Багновская Н.М. Этническая история Северской земли (Основные этапы этнического развития населения). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1979; *Её же*. Севрюки (Население Северской земли в XIV–XVI вв.) // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1980. № 1; *Её же*. Северская земля: историко-этническое формирование и развитие населения в VIII–XVIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 2001.

Шестововицах и прочих мест компактного проживания «выходцев из Скандинавии», наша читательница старой советской археологической литературы, конечно, не представляет. Тот факт, что почти все упомянутые ею «племенные» центры и скандинавские фактории были захвачены и разрушены войсками Киева, т.е. собственно Руси X–XI веков, «с культурологической точки зрения» (с. 33) незаметен.

Глава третья почему-то не только продлевает хронологию предыдущей главы, но и повторяет её: «Раннесредневековый и Киевский циклы культурогенеза Центральной России». Здесь речь опять идёт о славянах VII–X веков, но уже как основателях «государства Русь». Не могла, разумеется, наша «медиевистка» миновать проблемы происхождения Руси. Мимоходом помянув каких-то невероятных «аорсов-полян-русов» (с. 47), Т.Н. Арцыбашева столь неуклюже присоединяется к старым аргументам антинорманизма, что диву даёшься. На дюжине страниц своей «монографии» она пытается реферировать «наиболее любопытные из развивающих эту тему публикаций последних лет» (с. 59). Сюда причислены упражнявшиеся на эту тему малограмотные любители псевдосенсаций И.Е. Саратов («Следы наших предков», 1985), Н.А. Ульяновкин («Откуда есть пошла русская земля», 1993), Г.Ф. Хохряков («Русские. Кто мы», 1993), покупщица учёных степеней Е.С. Галкина со своим несусветным «каганом руссов» в лице салтовского варианта Хазарии, а за компанию с ними два профессиональных историка — В.П. Даркевич (прямо на эту тему не высказывавшийся) и В.В. Седов (чья предсмертная гипотеза о том же «каганате руссов» в диапазоне волынцева пока не снискала признания коллег).

Отводя особый раздел христианизации Руси, Т.Н. Арцыбашева не знает о капитальном исследовании данной темы на новых источниках¹⁵, а потому выдвигает предположения, диаметрально противоположные этим последним.

Пару-тройку раз Т.Н. Арцыбашева присоединяет к вычитанному из чужих книжек собственные соображения по обсуждаемой проблеме (чужих книжек — не только в смысле написанных не ею, но и не известных и не принадлежащих ей, а данных на случай подготовки «диссертации» коллегами по институту по приказу начальства, которому понадобился свой «доктор культурологии»). Лучше бы она этого не делала, ограничиваясь переписыванием чужих публикаций. Абсурда вышло в свет меньше бы. Так, узнав из опубликованных Е.А. Мельниковой легенд к скандинавским географическим картам и исказив при переписке в свою книжку название «Великий [надо — Великая — С.Щ.] Свитьод» (то есть дословно Великая Швеция), наш «автор» отождествляет этот хороним со «Скифией», а в её пределы вписывает (потеряв конечную букву *-и*) «Гардарик», то есть Русь. То, что Е.А. Мельниковой справедливо охарактеризовано как «учёная

¹⁵ См.: Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

легенда»¹⁶, — версия переселения предков скандинавов из Азии, — под бойким пером глупой Т.А. Арцыбашевой превращается в «дату (? — С.Щ.) возможного появления руси в краю болотистой (? — С.Щ.) тайги и прозрачных (? — С.Щ.) озёр» (с. 61). Мне самому, немало побродившему по тайге и в Магадане, и в Северодвинске, купавшемуся и рыбачившему в тамошних озёрах, обидно за ландшафт своего детства и юности...

Сделанное Т.Н. Арцыбашевой примечание гласит: «Описание рукописи и характеристика карты см.: С. Rafn. AR, II, p. 392; Alfredi Islensk, b. 2, p. C» (с. 60). Эту же аббревиатуру (явно не умея её расшифровать) она включает в «Библиографический список» к соответствующей главе. Читателю надо думать, что это не Е.А. Мельникова ездила в Швецию, работала там в библиотеках и архивах, чтобы систематизировать и перевести древнескандинавские картографические источники о Древней Руси, а сама Т.Н. Арцыбашева тоже знакомясь с отсутствующей в российских библиотеках работой С.С. Rafn «Antiquite's russes...» 1852 года издания по-французски или же с её латинским переводом; а также в оригинале же с «Исландской литературной энциклопедией» 1917–1918 годов издания (разумеется, на исландском языке). Ну, а так выходит, что перед нами полиглот Арцыбашева, знающая и древние языки, и исландский, только по-русски пишущая с ошибками дошколёнка.

Цитируя по популярному изданию «Житие» Феодосия Печерского, «автор» усматривает во фразе «Рехъ ти, яко повелено ми есть от игумена, яко аще и князь приидет...», античный титул *rex* — король. Между тем в дословном переводе О.В. Творогова соответствующий пассаж безусловно внятен: «Сказал тебе: повелено мне игуменом, что если и сам князь придёт...»¹⁷ Перед нами вполне ясная языковая конструкция. *Рехъ* тут — никакое не существительное, а глагол — сигматический аорист от основы на согласную — *решти*¹⁸. Никакого царя-«рекса» отсюда не вычитать, поскольку славянская буква «хер» только внешне похожа на латинскую «икс»; смысловой же связи между ними нет. Даже если перед нами было бы существительное (вроде «князь»), то в процитированном предложении оно стояло бы в звательном падеже — *княже*, а никак не в именительном. По мнению же Т.Н. Арцыбашевой, древними языками явно не владеющей, «описанная ситуация позволяет понять характер развития и нюансы использования этого термина» (с. 64) — «король». Таким вот безграмотным образом, надо полагать, ею реализуется поставленная в начале «монографии» задача рассмотрения «фундаментального принципа культурогенеза Центральной России» — «генезиса власти» (с. 6).

¹⁶ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1986. С. 217.

¹⁷ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI–XII вв. СПб., 1997. С. 386–387.

¹⁸ См. образец спряжения этого слова: Иванова Т.А. Старославянский язык. М., 1977. С. 146.

Гораздо полезнее для отечественной культурологии было бы, коли Т.Н. Арцыбашева поучилась языкам, начиная со старославянского и древнерусского, а в особенности современного русского литературного, раз она берётся писать на медиевистические темы. Тогда она, может быть, хоть что-то поняла в феодосиевом житии. Как ни странно это прозвучит, но «автор», имеющий учёные степени и кандидата, и доктора культурологии, функционально не слишком грамотен даже в современном русском языке. Это видно по множеству грамматических ошибок в разбираемом тексте, список которых пополнил ещё одним трудным для «культуролога» словом: «Претензионное название Новый Иерусалим...» (С. 179). Ну что делать, если латинские корни не вяжутся у «культуролога» с французскими и ему неизвестно слово «претенциозный»...

Я затрудняюсь прокомментировать тот факт, что именно этот, едва ли не самый абсурдный, раздел своей книги — о русах и варягах — Т.Н. Арцыбашева сумела опубликовать в первоизданном виде на страницах приватизированного редакцией журнала «Вопросы истории»¹⁹. Впрочем, цена за публикацию в журналах так называемого ваковского списка хорошо известна.

Четвёртая и пятая главы «монографии» доводят её хронологию до XVII столетия. Рассказ об удельном периоде, татаро-монгольском нашествии и «рождении Московии» ведётся «автором» в том же компилятивном духе, с разношёрстными ссылками на учебную, популярную, научную литературу. Последняя представлена более чем выборочно; Т.Н. Арцыбашева практически не знакома с обобщающими работами недавних лет издания, хотя они прямо посвящены той самой тематике, по которой она стремится что-то писать²⁰.

Мой затянувшийся комментарий к «монографии» Т.Н. Арцыбашевой приводит к выводам общего плана. Дело не в какой-то провинциальной учительнице, возжелавшей работать в высшей школе; потом «доцентше», пролезающий всеми правдами и неправдами в «профессорши». Налицо сугубо антинаучное, с массой фактических ошибок и концептуальных несуразностей сочинение дилетанта. За него надо не давать докторскую степень, а отбирать аттестат о среднем образовании. Однако оно явно претендует на присвоение учёной степени доктора наук по специальности 24.00.02 — историческая культурология. Соотнося реальное содержание работы с её апробационными претензиями, лишней раз понимаешь, что

¹⁹ См.: *Арцыбашева Т.Н.* Славяне — русы — варяги — кто они? // *Вопросы истории.* 2004. № 1. С. 118–124. Г.В. Вернадский в Примечаниях к данной публикации почему-то назван Vernadsky S.

Задаю вопрос: есть редакторы в этом приватизированном журнале или их уже нет? Почему РАН не вернёт журнал под свою юрисдикцию?

²⁰ Обратим внимание «автора» на некоторые из таких работ: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000; *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999; *Русь в XIII веке. Древности тёмного времени.* М., 2003.

целый ряд принципиальной важности институтов исторической науки — научное редактирование, рецензирование, оппонирование и государственная экспертиза — находятся под серьёзной угрозой. Все они по существу отменены, фальсифицированы в нашей стране. Не только кандидатские, но и докторские учёные степени в России сегодня возможно получить за антинаучные сочинения. На самом деле — купить. Никакой ответственности за одобрение такого рода опусов лицами с учёными степенями и званиями и учреждениями высшей школы не предусмотрено и не несётся²¹. По-моему, Высшей аттестационной комиссии и всему Министерству науки и образования России пора бы от неоднократных грозных слов перейти к реальным делам по выстраиванию заслона на пути фальсификации исторической науки в нашей стране.

*Печатная продукция курских краеведов последних десятилетий.
С сайта Курской областной библиотеки имени Н.Н. Асеева.*

²¹ Сравним выводы, прочитанные мной после первой публикации этого отклика: «Требования относительно представляемых к защите диссертаций неумолимо падают, так что средняя кандидатская диссертация сейчас эквивалентна прежнему студенческому диплому; о докторских диссертациях лучше вообще умолчим. ... И, наконец, что касается статей и книг — значительная их часть суть скороспелые плоды самодеятельности недоучившихся дилетантов, изобилующие фактическими ошибками и обличающие незнание авторов с элементарными правилами русского языка» (Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции. Три юбилея. СПб., 2005. С. 106–107).

Как показывает научно-апробационный опыт 2000–2010-х годов, это уже невозможно, и в обозримом будущем Высшая аттестационная комиссия России бесславно прекратит своё существование. Учёные степени и звания будут присваивать сами высшие школы и исследовательские институты. Как во всём мире. Но тысячи лжеучёных вроде Арцыбашевой останутся, чтобы морочить головы новым поколениям студентов и аспирантов. Таков печальный итог трёхвековой системы учёных степеней и званий на нашей родине.